

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

На формирование среднего класса влияет и то обстоятельство, что население нашей страны не принимает ценности последних 15 лет, ненавидит рынок, половина граждан обожает социализм. Три четверти не верит в справедливость судов...

Как можно говорить о среднем классе, не принимая во внимание все, что связано с моделированием будущего, все, что связано с культурными героями, все, что связано с такими вещами, как активность, жажда нового, креатив. В стране нетворческая атмосфера. Инновационное общество – это создание системы, которая производит новое. А у нас вся система жизни построена на том, чтобы новое не возникало, не выросло в головах людей.

Почти все доклады сегодня здесь были как бы про людей без голов – про экономические и социальные единицы. Как будто бы у них нет мотивационных процессов, как будто бы нет сбоев в формировании этих виртуальных систем. Даже таких замечательных, таких «маниловских», как создание инновационного общества. За четыре часа ничего про это не было сказано. И это в России, в стране, где, как известно, даже колбаса растет из слов.

Да, три минуты посвятить мировоззрению среднего класса – это удобно. Это адекватный для нынешнего его понимания масштаб. Нет заказа на такие исследования, нет готовности ставить такие вопросы. Важнейший институт интерпретации реальности – массовая культура и СМИ – вообще лишены какой-либо аналитики, статистики и людей, во всем этом разбирающихся. Их нет! А что может быть важнее? Власть – это всего лишь интерпретация реальности.

Вот по поводу отнесения к среднему классу здесь было много хороших докладов: 11 тысяч или 30 тысяч рублей на человека должен быть доход или больше... Про это можно поговорить. А про то, что люди ненавидят тот строй, в котором живут, и при этом 80% из них счастливы. Про эти мощнейшие квазифеодальные матрицы – ни слова.

Вишневский А.Г. *Руководитель Центра демографии и экологии человека,
Институт Демографии, д.э.н.*

В моей книге «Серп и рубль» я цитировал слова Ключевского о том, что еще Екатерина II «много хлопотала о так называемом третьем сословии; это третье сословие, т. е. городское промышленно-ремесленное, тогда, как известно, было модным словом в Западной Европе...; на третьем сословии покоились все надежды тогдашних либералов". Но, писал далее Ключевский, мысль о создании сильного третьего сословия принадлежала к числу тех «предположений или мечтаний» Екатерины, которые, «были упразднены самой жизнью как излишние». Впрочем, что-то предчувствовала и она сама. «Но как же трудно его будет создать!», писала она своей французской корреспондентке мадам Жоффрен, которой она обещала «ввести третье сословие».

Возможно, сегодня у нас объективно больше шансов на развитие среднего класса, чем было при Екатерине, но все же я не стал бы преуменьшать и сегодняшние трудности. Главная из них заключается в том, что вообще нельзя стать членом класса, которого нет. Сумма людей, обладающих некоторыми признаками, характерными для представителей среднего класса на Западе, это еще не класс. Так же, как и отсутствие этих признаков – не опровержение принадлежности к среднему классу.

Здесь говорили, например, об офицерах. Конечно, сейчас в европейских странах офицерство – часть среднего класса. Но в других условиях, в обществе, устроенном по-другому, например, в дворянско-крестьянском, которое не так давно преобладало и в Западной Европе, тот же офицер, с теми же профессиональными навыками, уровнем образования, с похожим образом жизни и т.п., может позиционировать себя совсем по-иному и смотреть на средний класс свысока, даже враждебно. И малолетний сын офицера, еще не обладая никакими образовательными или профессиональными характеристиками, в первом случае относится к среднему классу, а во втором – нет.

Ибо вопрос о среднем классе – это вопрос об устройстве социальной пирамиды. Социальная пирамида всех допромышленных обществ имеет форму шахматной пешки: основная масса людей образует массивное основание, почти плоское, а затем идет относительно узкая вертикаль, которая тянется до самого верха. И пока такая структура общества сохраняется, человек, даже если он и приобретает какие-то признаки, характерные для среднего класса (образование, собственность и т. д. – все то, о чем здесь говорилось), – это, в лучшем случае, мещанин во дворянстве. Он стремится прижаться к пешечной вертикали, слиться с ней, вписаться в существующую пирамиду, не изменяя ее формы.

А когда появляется средний класс, изменяется именно форма социальной пирамиды. Пешечная вертикаль разбухает, становясь шире основания, и, по сути, перестает быть вертикалью, вся фигура становится похожей на веретено или на юлу. Но для этого должно возникнуть огромное количество каналов вертикальной социальной мобильности, социальных лифтов, которые переносят массы людей из основания пешки во все более толстеющую среднюю часть веретена. И в ней должны развиваться горизонтальные связи, которые становятся важнее вертикальных.

Когда Екатерина II с высоты своего трона обещала мадам Жоффрен позаботиться о создании в России третьего сословия, она еще не знала, что третье сословие и трон не слишком хорошо совмещаются и что, по большому счету, обществу, имеющему конфигурацию веретена, трон вовсе и не нужен. Но дело не только и даже не столько в политическом устройстве (с троном или без трона). Вся картина мира становится иной. И не только социальная и политическая картина, но и естественнонаучная, и даже эстетическая. И все эти изменения взаимосвязаны. Мы не очень удовлетворены, например, состоянием российского правосознания, но это – не отдельный частный недостаток, это фрагмент всего нашего общественного сознания, которое проявляется во всем. Даже если мы просто сравним величие московского Кремля – официального места пребывания власти в не слишком богатой России – с подчеркнутой скромностью вашингтонского Белого дома в далеко не бедной Америке, мы и через это сравнение увидим разницу двух социальных конфигураций. И пока эта разница существует, становление среднего класса будет наталкиваться на серьезные препятствия.

В конце концов, когда миллионы, десятки миллионов людей моего и близких к моему поколений, начинавшие жизнь в коммуналках и бараках, за относительно короткое время переместились в изолированные квартиры с холодной и горячей водой из-под крана, это был акт социального восхождения, не менее значительный, я думаю, чем нынешние переселения «новых русских» в какой-нибудь привилегированный коттеджный поселок. Уже одно это давало основания ощущать себя в какой-то мере людьми среднего класса, так же, как и получение довольно высокого уровня образования. И такое ощущение у многих было. Но было и сознание того, что все это «получено», «пожаловано» властью, у которой все состояли на службе; что вам дали должность, или возможность заработать, или разрешили прописку и тем самым, в каком-то смысле, назначили представителем среднего класса. О такой «очиновленности» советского среднего класса писал в свое время Амальрик, он сомневался в возможности демократии, опирающейся на такой слой. Это не средний класс, это какие-то полудворянские выдвиженцы, не подвергающие сомнению пешкообразное строение социальной пирамиды, построенной в соответствии с табелью о рангах. Социальные перемещения в таком обществе все равно опираются на вертикальные, а не на горизонтальные связи.

Всякое общество основано на самоорганизации, но «горизонтальное» общество сложнее «вертикального», оно гораздо более дифференцировано внутренне, и процессы самоорганизации в нем более сложные. Горизонтальные связи намного разнообразнее вертикальных, глазу, воспитанному на патерналистской вертикали, они кажутся хаотичными. Но в действительности из этого хаоса рождается более сложный порядок, он опирается не на почитание власти и не на благонамеренность граждан, принадлежащих к среднему классу, а на подстилающий слой связывающих их много-

образных горизонтальных отношений – денежных, имущественных, конкурентных, правовых и т.д. Собственно, эти отношения и рожают средний класс, становятся его питательной средой. Если этой среды нет, не может быть и среднего класса, сколько бы ни было зажиточных и образованных людей.

3 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Гонтмахер Е.Ш. *Руководитель Центра социальной политики
Института экономики РАН, д.э.н., профессор*

В завершение конференции я скажу буквально несколько слов. И не про средний класс. Я скажу немного о другом, чтобы наши коллеги поняли, почему мы тут, в Институте современного развития, всё это затеяли.

Конечно, проблема не в каких-то слоях, классах и прочих делах. Проблема в стране. На самом деле мы, наша страна сейчас находимся на некой точке, как говорят в науке, бифуркации. Мы прошли этап начала 2000-х годов. Его можно по-разному оценивать. Но уже очевидно, что наряду с достижениями накопилось и очень много структурных проблем. Причем они очень глубокие, уходят в ценностные ориентиры, в архетипы. Есть реальная Россия, и мы на нее сверху накладываем «демократию», «рыночную экономику», «местное самоуправление», «гражданское общество» и т. д. ... И что в результате? Пока мы этого не знаем, потому что процесс носит глубинный характер.

Но факт заключается в том – хотим мы того или не хотим – что в ближайшие годы, даже, может быть, месяцы в России придется принимать какие-то структурные решения о судьбе страны и о судьбе 140 миллионов человек, которые тут остались. И это проблема многогранная, начиная с того, где мы будем с вами работать, потому что у нас архаичная экономика. Это, конечно, и проблема образования в широком смысле этого слова, а не только с точки зрения, какие знания дают в школах. Это, конечно же, и проблема общественного здоровья. Но главная проблема – как мы организуем свою жизнь здесь, в России, на ближайшие 10, 15, 20, 40 лет.

Почему у нас нет выбора и почему мы должны на эти вопросы сейчас ответить? Потому что, если мы сейчас на них не ответим, то, я думаю, у России шансов нет вообще никаких. Как у сообщества людей, которое хочет на что-то претендовать, быть самостоятельной частью цивилизованного мира, в конце концов, жить комфортно.

Когда мы начинаем искать ответы на эти достаточно глубинные вопросы, возникает вопрос: а на кого опираться? Если мы пойдем по пути, что есть великий, мудрый президент Российской Федерации, у него есть десять советников, и они что-то такое нам придумают, что-то нам с вами расскажут, а мы, средний класс, который здесь сидит, скажем «да, да, да, очень хорошо», что нам «стабильность лучше демократии», то нам это все выйдет боком.

Богатые люди – им и так хорошо, они космополитичны, свои проблемы решают через административный ресурс. Бедными должно заниматься и государство, и общество. Но судьба остальных 70% населения решит судьбу нашей страны.

Сегодня мы начали очень продолжительный проект. Мы будем использовать самые разнообразные способы для того, чтобы пойти дальше в этой огромной теме. Мы будем проводить самые разнообразные – узкие и широкие обсуждения. Будут ситуационные анализы, будут экспертные «круглые столы», полевые исследования, которые позволят глубже вскрыть, с чем мы имеем дело.

И если все мы сможем что-то дельное сделать и предложить руководству страны, то наша роль как экспертного сообщества будет реализована. Давайте верить в оптимистическое будущее, которое, несмотря на многочисленные проблемы, есть у России.